

с. 2.

A. П-ва.

ЖУРНАЛЬНЫЕ НАБРОСКИ.

(«Северный Вестник». Март 1888 г. «Вестник Европы». Март 1888 г.)

Известно, что детские впечатления остаются в человеке на всю жизнь. Они определяют многие черты его характера, его привычки, его нравственное и эстетическое развитие. Ребенок, живущий постоянно в городе, среди каменных громад, не дающих простора его наблюдательному взору, среди городской бесодержательной суеты и условностей, вдали от природы и простора, обладает гораздо меньшим запасом впечатлений, меньшей сердечностью и непосредственностью, чем ребенок такого же возраста, живущий в деревне, при одинаковых приблизительно остальных условиях. Понятия городского ребенка более узки и ограничены; он никогда не испытывал счастья общения с природой, никогда не вглядывался в ее жизнь и жизнь людей, близких к природе; он не знает других интересов, кроме тех, которыми живут окружающие его. Он и не подозревает, как тесно сливается с природою человек, каково ее могучее влияние на него. Для него смена времен года — не сердечное заморание крестьянина при виде призывов ветров, и не радость его при виде урожая; для него не существует святой радости делить эти тревоги и опасения, прислушиваясь к простым речам простых людей; для него смена времен года — лишь перемена верхнего платья для скучного, чопорного гуляки по надоевшим тропинкам улиц среди беспорядочной толкотни знакомых лиц. Впечатления городского ребенка бедны, а только богатство их, только общение с людьми и природою учить его понимать чужое страдание и чужую радость, делать его восприимчивым ко всем высшим впечатлениям. Этим объясняется, что все наши лучшие поэты, люди одаренные чуткой душой и богатой фантазией, в детстве воспитывались в деревне. Только близкое общение с природою могло развить в них понимание жизни и отклик на каждое явление ее; и почти у каждого из них можно найти больше или меньше прямое указание на то, что природа учила их создавать их творения. Люди обывденной жизни также тем непосредственнее и глубже, если, при известной степени развития, они вынесли из своего детства много чистых и разнообразных впечатлений. Трудно сказать, как каждое из них отзовется на чистой душе ребенка, но несомненно, что вся соловкуность их определяет его будущия убеждения, его отношения к

действительности, весь склад его жизни. В воспитании наших детей почти не обращается внимания на те условия, которые окружают их с самой колыбели, и они подвергаются таким случайностям, которые могут окончательно сгубить или спасти его.

Одним из массы детей, оставленных на произвол случайности, является Егорушка в предстном очерке г. Чехова «Степь», появившемся в мартовской книжке «Св. В.» Победка Егорушки в губернский город для поступления в гимназию, с своим дядей, м-ским вупцом Кузьмичевым и с о. Христофором Сирйским, являлся для него одним из тех «собитий» детской жизни, которые оставляют свои следы на долгие годы. Оторванный от матери, ради какой-то непонятной ему цели, он испытывает щемящее чувство тоски при воспоминании об оставленном им родном доме и при мысли о неизвестном будущем. Спутники не понимают его тоски: Кузьмичев, погруженный в соображения о том, насколько он выгодно продаст теперь шерсть, грубыми окриками оставивает слезы мальчика, а о. Христофор пытается утешить его отвлеченными бесѣдами о пользе учения. Но Егорушка и без них нашел занятие: он пристально всматривается в жизнь степи и отдается наблюдению над встречающимися им здесь людьми, начиная с пастухов, евреев, содержателей постоялого двора и возчиков, идущих с обозом шерсти, и кончая красавицей — графиней, которая также, как и все эти люди, какой-то невидимой для Егорушки цѣпью связана с Варламовым, держащим в руках весь округ.

Весь этот длинный ряд лиц, проходящих предъ Егорушкой во время его короткой поездки, очерчен г. Чеховым мастерски, впечатления Егорушки от этих встреч обрисованы с дружелюбною отѣлкою, его описания — прелестны и полны жизни. Словом, «Степь» — ряд ярких картинок, доходивших до поразительной живости и правды в самых мельчайших деталях; но при болѣе внимательном чтении, «Степь», оставая впечатлительней необыкновенно яркой до всех подробностей «одной поездки», оставляет какое-то едва уловимое, едва замѣтное чувство неудовлетворенности: в душе встает неопредѣленное чувство досады, что богатое творчество и художественное исполнение не затѣнчаны болѣе яркой и опредѣленной мыслью. Но талант молодого писателя еще только начинает развиваться, а это единственное его большое произведение дает все основания на самую блестящую надежду читателя по отно-

шению к г. Чехову.

1888 * * * (...)

A. П-ва.

Успешная отп-А. П-ва

Волжский вестник. Казань,
1888. 29 марта. № 80.

С. 2.

Журнальные наброски

(Северный вестник - март 1888 г. № 1...)

(...)

ани. Въ воспитаніи нашихъ дѣтей почти не обращается вниманія на тѣ условія, которыя окружаютъ ихъ съ самой колыбели, и онѣ подвергается такимъ случайностямъ, которыя могутъ окончательно сгубить или спасти его.

Однимъ изъ массы дѣтей, оставленныхъ на произволъ случайности, являлся Егорушка въ прелестномъ очеркѣ г. Чехова „Стень“, появившемся въ мартовской книжкѣ «Сѣв. В.» Поѣздка Егорушки въ губернской городъ для поступления въ гимназію, съ своимъ дядей, м-скимъ дѣлцомъ Кузьмичевымъ и съ о. Христофоромъ Сирийскимъ, являлась для него однимъ изъ тѣхъ „событій“ дѣтской жизни, которыя оставляютъ свои слѣды на долгіе годы. Оторванный отъ матери, ради какой-то непонятной ему цѣли, онъ испытываетъ щемящее чувство тоски при воспоминаніи объ оставленномъ имъ родномъ домѣ и при мысли о неизвѣстномъ будущемъ. Спутники не понимаютъ его тоски: Кузьмичевъ, погруженный въ соображенія о томъ, насколько онъ выгодно продаетъ теперь шерсть, грубыми окриками останавливаетъ слезы мальчика, а о. Христофоръ пытается утѣшать его отвлеченными бесѣдами о пользѣ ученія. Но Егорушка и безъ нихъ нашелъ занятіе: онъ пристально всматривается въ жизнь степи и отдается наблюденію надъ встрѣчающимися имъ здѣсь людьми, начиная съ пастуховъ, евреевъ, держателей постоялаго двора и возчиковъ, идущихъ съ оловомъ шерсти, и кончая красавицей—графиней, которая также, какъ и всѣ эти люди, какой-то невидимой для Егорушки цѣлью связана съ Варламовымъ, держащимъ въ рукахъ весь округъ.

Весь этотъ длинный рядъ лицъ, проходящихъ предъ Егорушкой во время его короткой поѣздки, очерченъ г. Чеховымъ мастерски, впечатлѣнія Егорушки отъ этихъ встрѣчъ обрисованы съ кружевною отдѣлкою, его описанія—прелестны и полны жизни. Слово „Стень“—рядъ яркихъ картинокъ, доходящихъ до поразительной живости и правды въ самыхъ мельчайшихъ деталяхъ; но при болѣе внимательномъ чтеніи, «Стень», оставляя впечатлѣніе

необыкновенно яркой до всѣхъ подробностей «одной поѣздки», оставляетъ какое-то едва уловимое, едва замѣтное чувство неудовлетворенности: въ душѣ встаетъ неопредѣленное чувство досады, что богатое творчество и художественное выполненіе не замѣтны болѣе яркой и опредѣленной мыслью. Но талантъ молодого писателя еще только начинаетъ развиваться, а это единственное его большое произведеніе даетъ всѣ основанія на самыя блестящія надежды читателя по отно-

к г. Чехову.

А. П-ва.

перечитан
до С. 1